

DOI: 10.18503/1992-0431-2021-3-73-80–91

ИННОВАЦИИ IV в.н.э. В КУЛЬТУРЕ НАСЕЛЕНИЯ КРЫМСКИХ ПРЕДГОРИЙ

И.Н. Храпунов

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия
igorkhrapunov@mail.ru

Аннотация. Население Крымских предгорий позднеримского времени оставило археологическую культуру, которую предложено называть нейзацкой. Она эволюционировала в течение II–IV вв. н.э. Археологическая культура представлена исключительно могильниками. Приблизительно на рубеже III–IV вв. н.э. в ней фиксируются значительные изменения в погребальных обрядах и инвентаре. Стекланные сосуды с прочерченным геометрическим орнаментом, шлифованными и напаянными овалами, костяные гребни, янтарные восьмерковидные подвески, вся или частично гончарная сероглиняная керамика попали в Крым из ареала черняховской культуры. Склепы с короткими дромосами появились в Крыму в результате миграции с Северного Кавказа, причем эта миграция носила гораздо более массовый характер, чем предыдущая. Вероятно, мечи типа Хазанов 5 появились в Крыму тогда, когда массово распространились склепы с короткими дромосами. И в Крыму, и на Кавказе их клали на головы или плечи погребенных. Некоторые формы северокавказских и крымских лепных сосудов аналогичны. Другие изменения, в том числе такие (представляющиеся важнейшими), как отказ от расшивки платьев бусами и появление большого количества керамических сосудов, а также использование яиц в качестве заупокойной пищи, большое количество оружия в погребениях, исчезновение из погребального инвентаря зеркал, шкатулок и колокольчиков, прямыми внешними влияниями не объяснишь. Можно лишь в общем виде констатировать, что приблизительно на рубеже III–IV вв. н.э. или в начале IV в. н.э. население крымских предгорий переживало серьезные социальные изменения. Возможно, они были спровоцированы значительной миграционной волной с востока, с Северного Кавказа. В результате трансформировались погребальные обряды, усилились контакты не только с восточными, но и с северо-западными по отношению к Крыму территориями.

Ключевые слова: Крым, позднеримское время, нейзацкая культура, могильники, погребальные обряды, погребальный инвентарь, миграции

Население Крымских предгорий позднеримского времени оставило археологическую культуру, которую предложено называть нейзацкой¹. Она эволюцио-

Данные об авторе: Храпунов Игорь Николаевич – доктор исторических наук, профессор КФУ им. В.И. Вернадского.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках проекта № 19-59-23001 «Население горного Крыма и Венгерской низменности

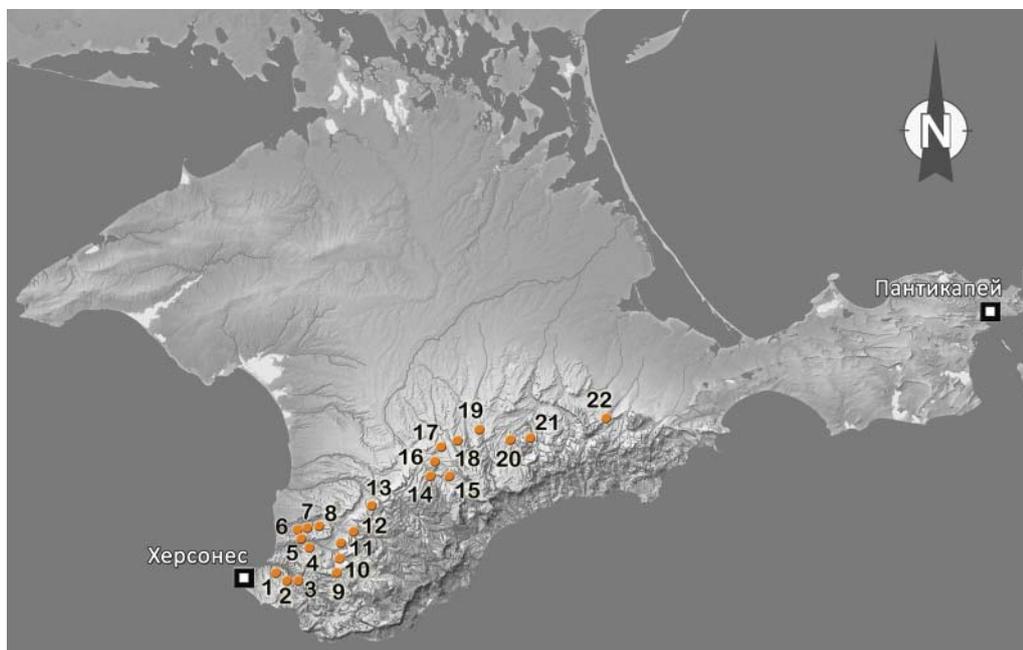

Рис. 1. Могильники позднеримского времени на карте Крыма: 1 – Килен-Балка, 2 – Чернореченский, 3 – Инкерманский, 4 – Бельбек III, 5 – Тас-Тепе, 6 – Вишневое, 7 – Суворово, 8 – Красная Заря, 9 – Алмалык-Дере, 10 – Красный Мак, 11 – Фронтное-3, 12 – Сувлу-Кая, 13 – Озерное III, 14 – Заречное, 15 – Перевальное, 16 – Дружное, 17 – Опушки, 18 – Нейзац, 19 – Ароматное, 20 – Отаркой, 21 – Карасу-Баши, 22 – Курское

Fig. 1. The map of the Crimea showing the cemeteries from the Late Roman Period: 1 – Kilen-Balka, 2 – Chernorechenskiy, 3 – Inkermanskiy, 4 – Bel'bek III, 5 – Tas-Tepe, 6 – Vishnyevoye, 7 – Suvorovo, 8 – Krasnaya Zarya, 9 – Almalyk-Dere, 10 – Krasnyy Mak, 11 – Frontovoye 3, 12 – Suvlu-Kaya, 13 – Ozyernoye III, 14 – Zarechnoye, 15 – Pereval'noye, 16 – Druzhnoye, 17 – Opushki, 18 – Neyzats, 19 – Aromatnoye, 20 – Otarkoy, 21 – Karasu-Bashi, 22 – Kurskoye

нировала в течение II–IV вв. н.э. Археологическая культура представлена исключительно могильниками (рис. 1). Дважды в ней фиксируются резкие изменения. В первый раз в конце II или в самом начале III в. н.э., когда появляются склепы с короткими дромосами. Второй раз, еще более заметно, приблизительно в начале IV в. н.э. с появлением целого комплекса инноваций². О последних и пойдет речь.

Изменения IV в. н.э. – это изменения в культуре, а не смена культур. Перерывов в использовании могильников не было. Известны склепы, где начали хоронить в III и продолжили в начале IV в. н.э.³ Использовались погребальные сооружения тех же, что и раньше, типов (склепы, подбойные и грунтовые могилы). Сохрани-

в римское время: миграции и контакты». The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research according to the research project no. 19-59-23001 “The Population of the Sub-Mountainous Crimea and the Great Hungarian Plain in the Roman Period: Migrations and Contacts.”

¹ Храпунов 2019.

² Публикации комплексов IV в. н.э. см. в Приложении.

³ Храпунов 2018а; 2020.

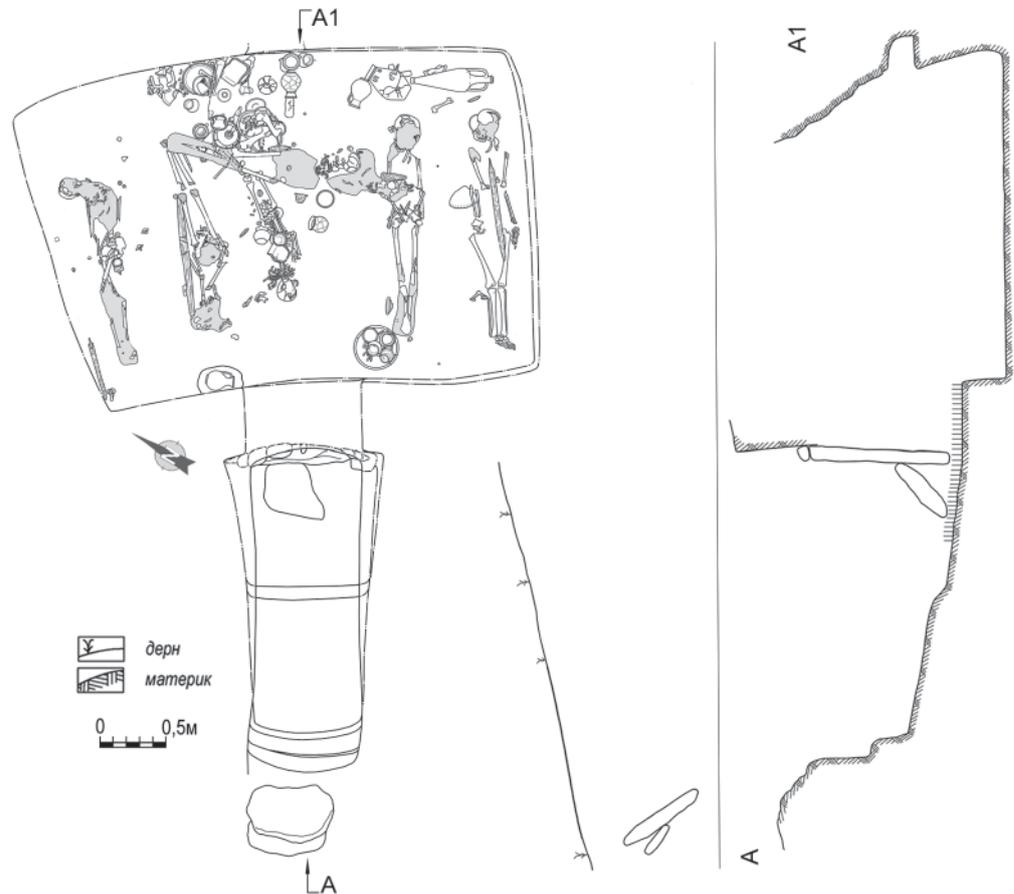

Рис. 2. Могильник Нейзац. Могила №275. План и разрез
 Fig. 2. The Cemetery of Neyzats. Grave no. 275. Plan and section

лись основные погребальные обряды. В качестве погребального инвентаря и в III, и в IV вв. н.э. используются одни и те же категории вещей. Их формы, типы, стили, конечно, меняются с течением времени, но это происходит синхронно с изменениями, происходившими в Северном Причерноморье, а также на более отдаленных от Крыма территориях, в местах производства импортных изделий.

В то же время налицо и инновации. Кардинально изменилось соотношение типов погребальных сооружений. В III в. н.э. редкие склепы были окружены множеством подбойных и грунтовых могил. В IV в. н.э. подавляющее большинство погребений совершалось в склепах (рис. 2), но редкие подбойные и грунтовые могилы выкапывались на протяжении всего времени использования могильников.

В качестве заупокойной пищи в IV в. н.э. в могилы стали класть куриные яйца. Яичная скорлупа находится в большинстве захоронений этого времени. В погребениях III в. н.э. яиц нет.

В III в. н.э. в могилы, в том числе и в склепы, опускали, если опускали вообще, по одному, два-три сосуда, в подавляющем большинстве краснолаковых. Лепные сосуды единичны. В склепах IV в. н.э. находят, как правило, от 10 до 50 сосудов. Примерно $\frac{3}{4}$ из них лепные, $\frac{1}{4}$ краснолаковые. Гончарные, не покрытые красным лаком сосуды, встречаются редко. Лепная керамика – это один из самых ярких признаков нейзацкой культуры. Ее комплекс не имеет аналогий в других культурах (рис. 3, 1–3). Вероятно, можно констатировать экспоненциальный подъем гончарства в начале IV в. н.э. в крымских предгорьях⁴.

Большинство стеклянных сосудов, найденных в крымских предгорных могильниках, изготовлены в античных центрах. Однако известна группа сосудов иного происхождения. В IV в. н.э. появляются изделия с прочерченным геометрическим орнаментом (рис. 3, 5), шлифованными (рис. 3, 6) и напаянными (рис. 3, 4) овалами. Они практически неизвестны в античных городах Северного Причерноморья и на территории римской империи. Орнаментированные таким образом сосуды были распространены среди варваров, преимущественно германцев. Одновременно с ними в могилы стали попадать редкие гончарные сероглиняные сосуды (рис. 3, 7). Их часто называют «черняховскими». Верно ли это название и подходит ли оно для всей сероглиняной керамики – вопрос отдельный. Для нас важно отметить, что эти сосуды представляют собой явное нововведение IV в. н.э.

В погребениях III в. н.э. оружие встречается редко. В IV в. н.э. его количество многократно увеличивается, в основном, за счет мечей с вырезами у пяты клинка (тип Хазанов 5)⁵ (рис. 3, 8). Такие мечи найдены во всех крымских могильниках, где есть погребения IV в. н.э. Причем клали их, за двумя исключениями, одинаково – на плечи или на головы погребенных.

В III в. н.э. в качестве женского погребального инвентаря очень часто использовали зеркала-подвески типа Хазанов IX⁶. В IV в. н.э. (гораздо позже, чем на более восточных территориях) они заменяются зеркалами типа Хазанов X⁷ (рис. 4, 1), что совершенно закономерно. Для нас важно отметить другое. В погребениях IV в. н.э. зеркала – это редчайшая находка. Например, в могильнике Нейзац найдено 65 зеркал типа Хазанов IX и лишь два или три типа Хазанов X.

Вместе с зеркалами исчезают, бывшие ранее почти непременным атрибутом женских погребений, шкатулки с разными мелочами. Колокольчики разнообразных типов, обнаруженные почти во всех женских и детских погребениях III в. н.э., сохраняются, но приобретают статус чрезвычайно редкой находки.

Изменяется женский костюм. Его наиболее заметная для археолога отличительная черта во II–III вв. н.э. – расшивка подолов платьев большим количеством бус. В IV в. н.э. бусы используются только в ожерельях.

В IV в. н.э., пусть в небольшом количестве, в Крымских предгорьях появились костяные гребни (рис. 4, 3).

О мужском костюме из-за отсутствия большого количества деталей из неорганических материалов известно значительно меньше, чем о женском. Инновацией

⁴ Исследования лепной керамики из могильника Фронтное 3 показали, что при ее изготовлении в IV в. н.э. происходят существенные технологические изменения (Суханов, Свиридов, Языков, 2020, 373–375).

⁵ Хазанов 1971, 17.

⁶ Хазанов 1963, 65, 66.

⁷ Хазанов 1963, 68.

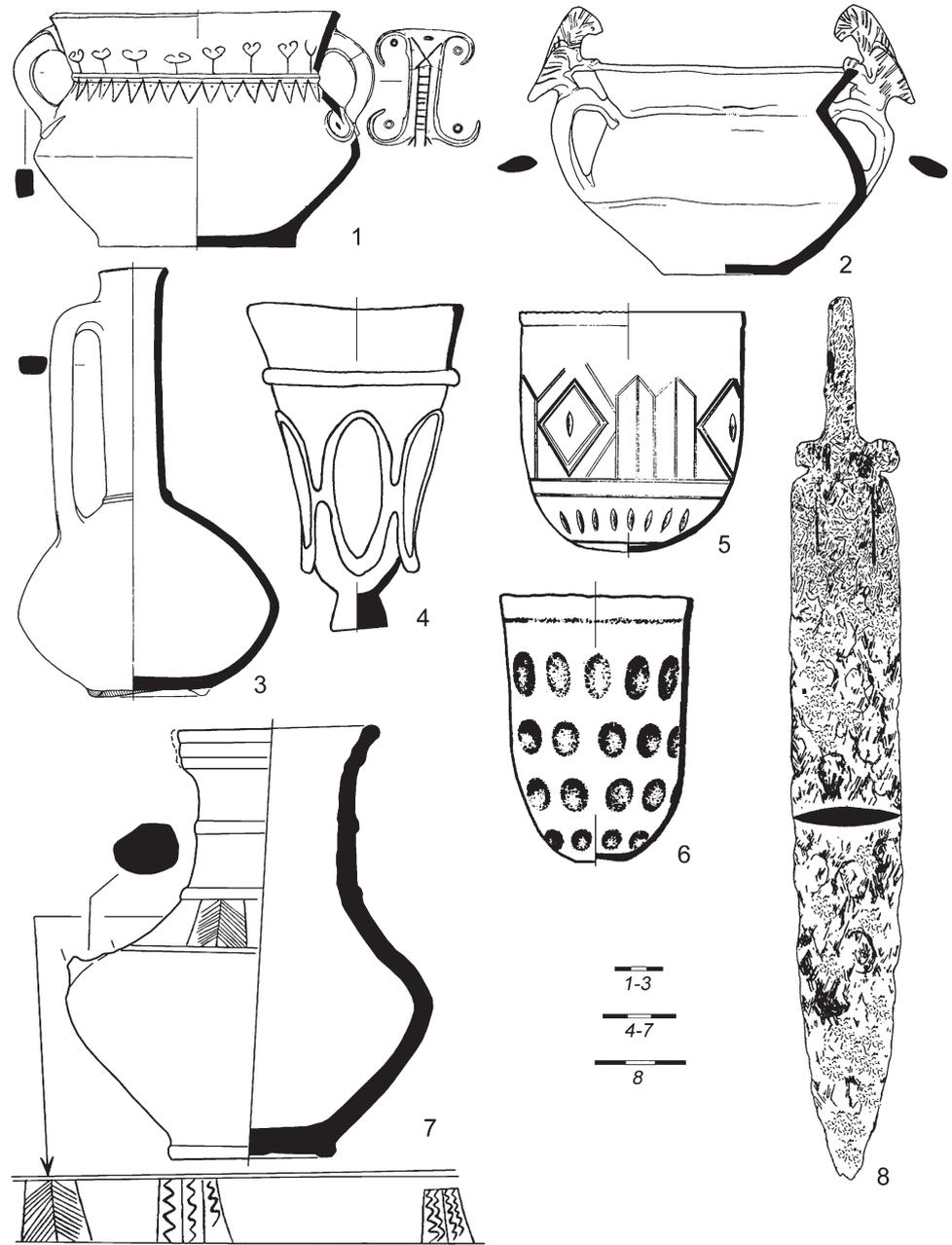

Рис. 3. 1–3 – лепные сосуды из могильника Нейзац; 4, 5 – стеклянные сосуды из могильника Нейзац; 6 – стеклянный сосуд из могильника Дружное; 7 – сероглиняный сосуд из Чернореченского могильника; 8 – меч типа Хазанов-5 из могильника Нейзац
 Fig. 3. 1–3 – hand-made vessels from the cemetery of Neyzats; 4, 5 – glass vessels from the cemetery of Neyzats; 6 – glass vessel from the cemetery of Druzhnoe; 7 – grey-clay vessel from the Cherorechenskiy cemetery; 8 – sword of the type Khazanov-5 from the cemetery of Neyzats

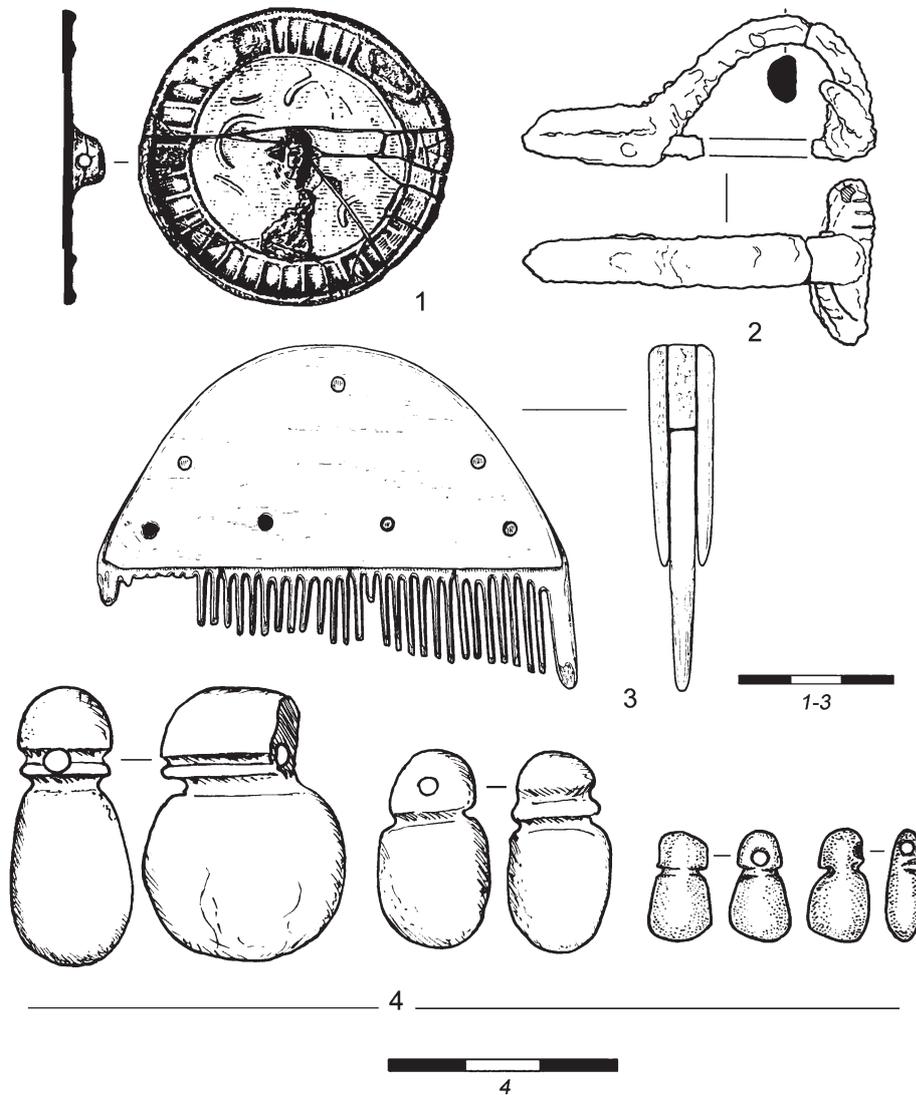

Рис. 4. 1 – зеркало типа Хазанов X из могильника Дружное; 2 – фибула железная из могильника Нейзац; 3 – гребень костяной из могильника Нейзац; 4 – подвески восьмерковидные янтарные из могильника Нейзац

Fig. 4. 1 – mirror of the type Khazanov X from the cemetery of Druzhnoe; 2 – iron brooch from the cemetery of Neyzats; 3 – bone comb from the cemetery of Neyzats; 4 – amber mushroom-shape pendants from the cemetery of Neyzats

IV в. н.э. можно считать появление и широкое распространение железных двухчленных, так называемых «воинских», фибул, сделанных, по-видимому, на месте по черняховским бронзовым и серебряным образцам⁸ (рис. 4, 2).

В ожерелья детей из семей высокого социального ранга включают янтарные восьмерковидные подвески (рис. 4, 4). Возможно, первые из них появились во второй половине III в. н.э., но широкое распространение они, бесспорно, получили в IV в. н.э.⁹.

Почему, насколько можно судить по археологическому материалу, синхронно появились перечисленные выше многочисленные нововведения в погребальных обрядах и инвентаре?

Источник одной группы инноваций находится без особого труда. Стекланные сосуды с прочерченным геометрическим орнаментом, шлифованными и напаянными овалами, костяные гребни, янтарные восьмерковидные подвески, вся или частично гончарная сероглиняная керамика попали в Крым из ареала черняховской культуры, где однотипные изделия известны в большом количестве. Возможно, по черняховским серебряным и бронзовым образцам в Крыму было налажено производство железных «воинских» фибул. Таким образом, можно констатировать интенсификацию контактов между населением Крымских предгорий и носителями черняховской культуры в IV в. н.э. Недаром М.М. Казанский выделил две группы германских вещей из Крымских могильников: «вельбарско-пшеворскую» III в. н.э. и «черняховскую» IV в. н.э.¹⁰. Какой характер носили эти контакты (военный, торговый, культурный), имели ли место миграции – по результатам раскопок крымских могильников дальше предположений продвинуться пока не получается.

Можно попытаться отыскать еще один источник нововведений. Давно уже высказано предположение о том, что склепы с короткими дромосами появились в Крыму в результате миграции с Северного Кавказа¹¹. Мигранты селились вместе с жителями крымских предгорий, поэтому поначалу единичные склепы были окружены традиционными для Крыма подбойными и грунтовыми могилами. Эта гипотеза устроила не всех исследователей. Здесь не место для подробных обсуждений, но, если предположение верно, значительное увеличение количества склепов и уменьшение количества подбойных и грунтовых могил должны свидетельствовать о притоке нового населения с Северного Кавказа, причем эта миграция носила гораздо более массовый характер, чем предыдущая. Основной ареал мечей типа Хазанов 5 – это Крым и Северный Кавказ¹². Вероятно, они появились в Крыму тогда, когда массово распространились склепы с короткими дромосами. И в Крыму, и на Кавказе их клали на головы или плечи погребенных. Отметим еще, что некоторые формы северокавказских и крымских лепных сосудов аналогичны¹³.

⁸ Храпунов 2002, 55.

⁹ Стоянова 2016, 129.

¹⁰ Kazanski 2002, 46–48; Казанский 2006, 28, 29.

¹¹ Храпунов 2018б с предшествующей литературой.

¹² Левада 2013.

¹³ Власов 2003.

Другие изменения, в том числе такие (представляющиеся важнейшими), как отказ от расшивки платьев бусами и появление большого количества керамических сосудов, а также использование яиц в качестве заупокойной пищи, большое количество оружия в погребениях, исчезновение из погребального инвентаря зеркал, шкатулок и колокольчиков, прямыми внешними влияниями не объяснишь. Можно лишь в общем виде констатировать, что приблизительно на рубеже III–IV вв. н.э. или в начале IV в. н.э. население крымских предгорий переживало серьезные социальные изменения. Возможно, они были спровоцированы значительной миграционной волной с востока, с Северного Кавказа. В результате трансформировались погребальные обряды, усилились контакты не только с восточными, но и с северо-западными по отношению к Крыму территориями.

Приложение.

Список погребений IV в. н.э. в крымских предгорьях¹⁴

1. Могильник Бельбек III: склеп без номера¹⁵.
2. Могильник Дружное: № 2, 3, 18, 36, 58, 59, 64, 66, 76, 78, 84, 85, 87¹⁶, № 1 по нумерации А.И. Айбабина¹⁷.
3. Могильник Заречное: единственный раскопанный склеп¹⁸.
4. Инкерманский могильник: № 10, 13, 16, 23, 25, 31, 32, 37, 41¹⁹.
5. Могильник Красная Заря: № 22²⁰.
6. Могильник Курское: склепы № 1, 3, 4; подбойная могила № 10²¹
7. Могильник Нейзац: № 4, 73, 115, 125, 275²².
8. Могильник Озерное III: № 1, 2, 3²³.
9. Могильник Суворово: № 28, 30, 38, 51, 52, 53, 54²⁴.
10. Могильник Тас-Тепе: №№ 6, 10²⁵.

ЛИТЕРАТУРА

- Айбабин, А.И. 1994: Раскопки могильника близ села Дружное в 1984 году. *МАИЭТ IV*, 89–131.
- Веймарн, Е.В. 1963: Археологічні роботи в районі Інкермана. *Археологічні пам'ятки УРСР XIII*, 15–89.

¹⁴ Перечислены названия могильников и номера могил с наиболее выразительными комплексами IV в. н.э.

¹⁵ Филиппенко, Тюрин, Ушаков 2016.

¹⁶ Храпунов 2002.

¹⁷ Айбабин 1994.

¹⁸ Масякин 2010.

¹⁹ Веймарн 1963, 15–42.

²⁰ Неневоля, Волошинов 2001, 141–143.

²¹ Труфанов, Колтухов 2001–2002, 286–292; Труфанов 2012.

²² Храпунов 2005; 2006; 2008; Khrapunov 2008.

²³ Лобода 1977, 238–248.

²⁴ Зайцев 1997, 110, 114; Зайцев, Мордвинцева 2003, 57–62; Юрочкин, Труфанов 2003.

²⁵ Пуздровский, Зайцев, Неневоля 2001, 32, 33.

- Власов, В.П. 2003: Северокавказские параллели в лепной керамике Крыма римского и раннесредневекового времени. *МАИЭТ X*, 98–124.
- Зайцев, Ю.П. 1997: Охранные исследования в Симферопольском, Белогорском и Бахчисарайском районах. В сб.: В.А. Кутайсов (ред.), *Археологические исследования в Крыму. 1994 год*. Симферополь, 102–116.
- Зайцев, Ю.П., Мордвинцева, В.И. 2003: Исследование могильника у с. Суворово в 2001 г. *МАИЭТ X*, 57–77.
- Казанский, М.И. 2006: Германцы в юго-западном Крыму в позднеимперское время и в эпоху Великого переселения народов. В сб.: Р.В. Терпиловский (ред.), *Готы и Рим*. Киев, 26–41.
- Левада, М.Е. 2013: О влиянии аланских военных традиций на восточногерманские народы. В сб.: И.Н. Храпунов (ред.), *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.) I*. Симферополь–Бахчисарай, 171–187.
- Лобода, И.И.: 1977: Раскопки могильника Озерное III в 1963–1965 гг. *СА 4*, 236–252.
- Масякин, В.В. 2010: Склеп позднеимперского времени у с. Заречное в Центральном Крыму. В сб.: Ю.П. Зайцев, А.Е. Пуздровский (ред.), *Древняя и средневековая Таврика* (Археологический альманах, 22). Донецк, 278–284.
- Неневоля, И.И., Волошинов, А.А. 2001: Два комплекса IV в. н.э. на могильнике Краснозоре. В сб.: И.И. Гущина, Д.В. Журавлев (ред.), *Поздние скифы Крыма* (Труды ГИМ, 118). М., 141–146.
- Пуздровский, А.Е., Зайцев, Ю.П., Неневоля, И.И. 2001: Новые памятники III–IV вв. н.э. в юго-западном Крыму. *МАИЭТ VIII*, 32–50.
- Стоянова, А.А. 2016: Подвески из могильника Нейзац. В сб.: И.Н. Храпунов (ред.), *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.) II*. Симферополь, 122–165.
- Суханов, В.Е., Свиридов, А.Н., Языков, С.В. 2020: Лепная керамика могильника римского времени Фронтное 3 (о технологии изготовления). *КСИА 261*, 366–378.
- Труфанов, А.А. 2012: Склеп IV в. н.э. из некрополя у с. Курское в Крыму *РА 2*, 34–41.
- Труфанов, А.А., Колтухов, С.Г. 2001–2002: Исследование позднеантичного некрополя у с. Курское в юго-восточном Крыму. *Stratum plus 4*, 278–295.
- Филиппенко, А.А., Тюрин, М.И., Ушаков, С.В. 2016: О могильнике ВИР (Бельбек III) в юго-западном Крыму: новые данные. *Stratum plus 4*, 139–151.
- Хазанов, А.М. 1963: Генезис сарматских бронзовых зеркал. *СА 4*, 58–71.
- Хазанов, А.М. 1971: Очерки военного дела сарматов. М.
- Храпунов, И.Н. 2002: Могильник Дружное (III–IV вв. нашей эры). Lublin.
- Храпунов, И.Н. 2005: Последние погребения в могильнике Нейзац. *МАИЭТ XI*, 169–191.
- Храпунов, И.Н. 2006: Погребение воина IV в. н.э. из могильника Нейзац. В сб.: Р.В. Терпиловский (ред.), *Готы и Рим*. Киев, 42–51.
- Храпунов, И.Н. 2008: Склеп IV в. н.э. из могильника Нейзац. *ПИФК XXI*, 356–392.
- Храпунов, И.Н. 2018а: Склеп с вещами в догуннском полихромном стиле из могильника Опушки. В сб.: И.Н. Храпунов (ред.), *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.) III*. Симферополь, 137–169.
- Храпунов, И.Н. 2018б: Склепы с короткими дромосами в Крыму и на Северном Кавказе. В сб.: И.Н. Храпунов (ред.), *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.) IV*. Симферополь, 133–145.
- Храпунов, И.Н. 2019: Археологическая культура позднеимперского времени в предгорном Крыму. *РА 1*, 32–49.
- Юрочкин, В.Ю., Труфанов, А.А. 2003: Позднеантичный погребальный комплекс в низовьях реки Качи. В сб.: М.И. Золотарев (ред.), *Херсонесский сборник XII*. Севастополь, 199–225.
- Kazanski, M. 2002: Les antiquites germaniques de l'epoque romaine tardive en Crimée et dans la region de la mer d'Azov. *Ancient East and West 1*, no. 2, 393–441.

Khrapunov, I.N. 2008: The Vault with Openwork Plaque from the Cemetery of Neyzats in the Crimea. In: B. Niezabitowska-Wiśniewska, M. Juściński, P. Łuczkiwicz, S. Sadowski (eds.), *The Turbulent Epoch. New materials from the Late Roman Period and the Migration Period. I*. Lublin, 189–217.

REFERENCES

- Aybabin, A.I. 1994: Raskopki mogil'nika bliz sela Druzhnoe v 1984 godu [Excavations of Cemetery near Druzhnoe Village in 1984]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria] IV, 89–131.
- Filippenko, A.A., Tyurin, M.I., Ushakov, S.V. 2016: O mogil'nike VIR (Bel'bek III) v yugo-zapadnom Krymu: novye dannye [The Cemetery of VIR (Bel'bek III) in the South-Western Crimea: New Data]. *Stratum plus* 4, 139–151.
- Kazanski, M. 2002: Les antiquites germaniques de l'epoque romaine tardive en Crimée et dans la region de la mer d'Azov. *Ancient East and West* 1, no. 2, 393–441.
- Kazanskiy, M.I. 2006: Germantsy v jugo-zapadnom Krymu v pozdnerimskoe vremya i v epokhu Velikogo pereseleniya narodov [The Germans in the South-Western Crimea in the Late Roman and Great Migration Periods]. In: R.V. Terpilovskiy (ed.), *Goty i Rim* [The Goths and Rome]. Kiev, 26–41.
- Khazanov, A.M. 1963: Genezis sarmatskikh bronzovykh zerkal [The Genesis of the Sarmatian Bronze Mirrors]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology] 4, 58–71.
- Khazanov, A.M. 1971: *Ocherki voennogo dela sarmatov* [Essays on the Warfare of the Sarmatians]. Moscow.
- Khrapunov, I.N. 2002: *Mogil'nik Druzhnoe (III–IV vv. nashey ery)* [The Cemetery of Druzhnoe (Third to Fourth Century AD)]. Lublin.
- Khrapunov, I.N. 2005: Poslednie pogrebeniya v mogil'nike Nejzats [The Latest Burials in the Cemetery of Neyzats]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria] XI, 169–191.
- Khrapunov, I.N. 2006: Pogrebenie vojna IV v. n.e. iz mogil'nika Nejzats [Fourth-Century AD Warrior's Grave in the Cemetery of Neyzats]. In: R.V. Terpilovskiy (ed.), *Goty i Rim* [The Goths and Rome]. Kiev, 42–51.
- Khrapunov, I.N. 2006: Sklep IV v. n.e. iz mogil'nika Neyzats [A Fourth-Century AD Burial Vault in the Cemetery of Neyzats]. *Problemy istorii, filologii, kultury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] XXI, 356–392.
- Khrapunov, I.N. 2008: The Vault with Openwork Plaque from the Cemetery of Neyzats in the Crimea. In: B. Niezabitowska-Wiśniewska, M. Juściński, P. Łuczkiwicz, S. Sadowski (eds.), *The Turbulent Epoch. New materials from the Late Roman Period and the Migration Period. I*. Lublin, 189–217.
- Khrapunov, I.N. 2018a: Sklep s veshchami v dogunnskom polihromnom stile iz mogil'nika Opushki [A Burial Vault with Goods in the Pre-Hunnic Polychrome Style in the Cemetery of Opushki]. In: I.N. Khrapunov (ed.), *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n.e. – IV v. n.e.)* [The Crimea in the Age of Sarmatians (200 BC – AD 400)] III. Simferopol, 137–169.
- Khrapunov, I.N. 2018b: Sklepy s korotkimi dromosami v Krymu i na Severnom Kavkaze [The Short-Corridor Burial Vaults in the Crimea and in the North Caucasus]. In: I.N. Khrapunov (ed.), *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n.e. – IV v. n.e.)* [The Crimea in the Age of Sarmatians (200 BC – AD 400)] IV. Simferopol, 133–145.
- Khrapunov, I.N. 2019: Arkheologicheskaya kul'tura pozdnerimskogo vremeni v predgornom Krymu [The Late Roman Period Archaeological Culture in the Submountain Crimea]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology] 1, 32–49.
- Levada, M.E. 2013: O vliyaniy alanskikh voennykh traditsiy na vostochnogermanskije narody [On the Influence of Alanic Military Traditions on the East Germanic Peoples]. In:

- I.N. Krapunov (red.), *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n.e. – IV v. n.e.)* [*The Crimea in the Age of Sarmatians (200 BC – AD 400)*] I. Simferopol– Bakhchisaray, 171–187.
- Loboda, I.I.: 1977: Raskopki mogil'nika Ozernoe III v 1963–1965 gg. [1963–1965 Excavations of Ozernoe III Cemetery]. *Sovetskaya arkheologiya* [*Soviet Archaeology*] 4, 236–252.
- Masyakin, V.V. 2010: Sklep pozdnerimskogo vremeni u s. Zarechnoe v Tsentral'nom Krymu [A Burial Vault from the Late Roman Period near the village of Zarechnoe in the Central Crimea]. In: Yu.P. Zaytsev, A.E. Puzdrovskiy (eds.), *Drevnyaya i srednevekovaya Tavrika (Arkheologicheskyy al'manakh, 22)* [*The Ancient and Medieval Crimea (Archaeological Almanac, no. 22)*]. Donetsk, 278–284.
- Nenevolya, I.I., Voloshinov, A.A. 2001: Dva kompleksa IV v. n.e. na mogil'nike Krasnozor'e [Two Fourth-Century AD Assemblages in the Cemetery of Krasnozor'e]. In: I.I. Gushchina, D.V. Zhuravlev (eds.), *Pozdnie skify Kryma (Trudy GIM, 118)* [*The Late Scythians in the Crimea (Proceedings of the State History Museum, vol. 118)*]. Moscow, 141–146.
- Puzdrovskiy, A.E., Zaytsev, Ju.P., Nenevolya, I.I. 2001: Novye pamyatniki III–IV vv. n.e. v yugozapadnom Krymu [New Third-Fourth-Century AD Sites in the South-Western Crimea]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [*Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria*] VIII, 32–50.
- Stoyanova, A.A. 2016: Podveski iz mogil'nika Nejjats [Pendants from the Cemetery of Nejjats]. In: I.N. Krapunov (red.), *Krym v sarmatskuyu jepokhu (II v. do n.e. – IV v. n.e.)* [*The Crimea in the Age of Sarmatians (200 BC – AD 400)*] II. Simferopol, 122–165.
- Sukhanov, V.E., Sviridov, A.N., Yazikov, S.V. 2020: Lepnaya keramika mogil'nika rimskogo vremeni Frontovoe 3 (o tekhnologii izgotovleniya) [Hand-Made Vessels in the Cemetery of Frontovoe 3 from the Roman Period (Regarding the Production Technology)]. *Kratkie soobshcheniya instituta arkheologii* [*Brief Communication of the Institute of Archaeology*] 261, 366–378.
- Trufanov, A.A. 2012: Sklep IV v. n.e. iz nekropolya u s. Kurskoe v Krymu [A Fourth-Century AD Burial Vault from the Cemetery near the Village of Kurskoe in the Crimea]. *Rossiyskaya arkheologiya* [*Russian Archaeology*] 2, 34–41.
- Trufanov, A.A., Koltukhov, S.G. 2001–2002: Issledovanie pozdneantichnogo nekropolya u s. Kurskoe v yugo-vostochnom Krymu [The Research of the Late Antique Cemetery near the Village of Kurskoe in the South-Eastern Crimea]. *Stratum plus* 4, 278–295.
- Yurochkin, V.Ju., Trufanov, A.A. 2003: Pozdneantichnyy pogrebal'nyy kompleks v nizov'jakh reki Kachi [A Late Antique Burial Assemblage in the Lower Reaches of the Kacha River]. In: M.I. Zolotarev (ed.), *Khersonesskiy sbornik* [*Chersonesan Proceedings*] XII. Sevastopol, 199–225.
- Veymar, E.V. 1963: Arkheologichni roboty v rayone Inkermana [Archaeological Works in the Area of Inkerman]. *Arkheologichni pamyatki URSR* [*Archaeological Sites of URSR*] XIII, 15–89.
- Vlasov, V.P. 2003: Severokavkazskie paralleli v lepnoy keramike Kryma rimskogo i rannesrednevekovogo vremeni [The North-Caucasian Parallels in the Hand-Made Ceramics of the Crimea in the Roman and Early Medieval Periods]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [*Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria*] X, 98–124.
- Zaytsev, Ju.P. 1997: Okhrannye issledovaniya v Simferopol'skom, Belogorskom i Bakhchisarayskom rayonakh [Rescue Investigations in the Simferopol, Belogorsk, and Bakhchisaray Districts]. In: V.A. Kutaysov (ed.), *Arkheologicheskie issledovaniya v Krymu. 1994 god* [*Archaeological Researches in the Crimea: 1994*]. Simferopol, 102–116.
- Zaytsev, Ju.P., Mordvintseva, V.I. 2003: Issledovanie mogil'nika u s. Suvorovo v 2001 g. [The Research of the Cemetery near the Village of Suvorovo in 2001]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [*Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria*] X, 57–77.

THE FOURTH-CENTURY AD INNOVATIONS IN THE CULTURE
OF THE CRIMEAN SUBMOUNTAIN AREA POPULATION

Igor N. Khrapunov

V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia
igorkhrapunov@mail.ru

Abstract. The population of the Crimean submountain area of the Late Roman Period created the archaeological culture proposed to be called the Neyzats culture. It developed throughout the second to fourth centuries AD. In regard to archaeology, this culture comprised only cemeteries. Ca. AD 300 it featured significant changes in funeral rites and grave goods. Glass vessels showing incised geometric patterns or polished and applied ovals, bone combs, amber mushroom-shaped pendants, and all or a part of wheel-made grey-clay vessels came to the Crimea from the Chernyakhov culture area. Burial vaults with a short corridor to the funeral chamber appeared in the Crimea in result of the migration from the North Caucasus, which was larger than the previous one. Swords of the type Khazanov-5 possibly appeared in the Crimea when the short-corridor vaults were widely distributed. Both in the Crimea and Caucasus, such swords were placed on the head or shoulders of the dead. There are a few parallel forms of hand-made vessels in the North Caucasus and the Crimea. There were other changes not explainable by direct outside influences. Among them the most important were: rejection of embroidering cloths with beads, big number of ceramic vessels, eggs as funeral food, many weapons in graves, disappearance of mirrors, jewelry boxes, and small bells from the grave goods. Generally, it is possible to infer that ca. AD 300 or in the early-fourth century AD the population of the Crimean submountain area sustained important social changes, which possibly were caused by an important migration wave from the east, i. e. from the North Caucasus. The result was the transformation of funeral rites and the strengthening of contacts with the areas located to the east and north-west of the Crimea.

Keywords: Crimea, Late Roman Period, Neyzats culture, cemeteries, funeral rites, grave goods, migrations
